

Dohnal, Josef

Александр Петрович Сумароков (1717–1777)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 111-164

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128728>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Александр Петрович Сумароков

(1717–1777)

Русские цари всегда были отчасти и покровителями искусств. Неудивительно поэтому, что писатели обращались к ним и к их деятельности. и идея «просвещенного монарха», от которого ожидалась сдвиги в общественной жизни, новые импульсы для развития общества – все это сказывалось и в произведениях лучших писателей XVIII века. Прочитайте хвалебные оды Сумарокова; они – свидетельство отношения к царю, но и яркий пример патриотизма.

В стихах отражались и философские темы, размышления над смыслом жизни человека. Произведения Сумарокова, приводимые ниже, являются примером именно такого жанра. Сумароков считал необходимым, чтобы дворянин представлял собой пример для своих крепостных, о которых он должен заботиться и создавать таким способом предпосылки для их благосостояния.

Трагедии Сумарокова – основа репертуара подлинно русских театров того времени. Для его трагедий характерен упор на изображение свойств правителя, на противоречия в его душе, для автора не так уж важно динамическое действие. Противоборство разума и чувства отражается и в трагедии «Хорев», отрывки из которой приводятся в хрестоматии. Вы сможете определить, которые из принципов классицизма отражаются в подходе Сумарокова к теме трагедии?

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРЬВОЙ НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета.
Ликуй, блаженная страна!
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуня судьбине,
Возрадуйтесь, народы, ныне,
Где сей царицы щедрa власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи
Тобою славят нашу часть.

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы
И грады превращати в прах?
Седящая на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истины храня:
„Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня,
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою,
Покрою войском горизонт;
Увидит чувствуя вскоре
Петровой дщери силу море:
Покрою бурный флотом понт“ –

Над ними будешь ты царица,
Наложись на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай ты молнию и гром.

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень тот явится
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огонь и воды!
Пойдем пленить или умереть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
 Пучину бурну возмутим.
 Иныя от тебя награды
 За ревность мы не восхотим,
 Чтоб ты лишь перстом указала
 И войску своему сказала:
 „Достойны россами вы слыть“.
 О дочь великому Герою!
 Готовы мы идти под Трою
 И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
 Се бомбы в облака летят,
 Подкопы воздымают башни,
 На воздух преисподню мчат.
 Куда ни хочет удалиться,
 Не может враг переселиться,
 На суше смерть и на водах.
 Врагов я вижу усмирненных.
 Уже россиян разъяренных
 На градских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
 Ты в мысли пребывай иной:
 Забудь могущее быть время
 И наслаждайся тишиной.
 Вспевайте, птички, песни складно,
 Дышите, ветры, вы прохладно,
 Целуй любезную, зефир;
 Она листочки преклоняет,
 Тебя подобно обоняет,
 Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пеллепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны грома здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуюся частью,
Живя под милосердой властью,
О, коль ты счастлив, россов род!

С разверстаем свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Диана, иль Петрова дщерь;
Девушка красотою блещет
И мужественно стрелы мечет.
Но кое здание зрю там!
И что, мои пленяя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Диана, твой Эфесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных ты чертогах сих
И, в тишине увеселенна,
Покойся по трудах своих,
Полночны ветры, отлетайте,
Луга, вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
„Мы счастливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас“.

Оттоль, монархиня, взираешь
На град Петров, на свой престол,
И как ты взоры простираешь,
Твои слова сей слышит дол:
„В сем месте было прежде благо,
Теперь сияет тамо злато
На башнях счастья творца;
Нева средь пышна града льется,
Отколе эхо раздается
О славе моего отца“.

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА И ПОКОРЕНИЕ МОЛДАВИИ

В далеки в высоте пределы
Я дерзостно мой дух вознес;
Куда влететь не могут стрелы,
Я зрю себя в краях небес.
Я слышу ангелов просящих
И тако к вышнему гласящих:
„Правитель естества! Внемли,
Исторгни скипетр оттомана!
Достойна такового сана
Екатерина на земли“.

Екатерина! Пред тобою
Пошлет архистратига бог.
Твоею счастливой судьбою
Воздымется Палеолог.
Тогда Византия възграет,
Что грек оковы попирает
И изгнана Агарь из врат.
Романия, скорбя, не дремлет,
Главу восточный Рим подьемлет.
Европа видит новых чад.

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И, игом утесненный плена,
Восплещет радостию Нил.
А весть быстрее аквилона
До стен досяжет Вавилона,
Подвигнет волны Инда страх.
Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды.
Каир развеем, яко прах.

Разверзлось огненное море,
 Дрожит земля, и стонет твердь,
 В полках срацинских страх и горе,
 Кипяща ярость, казнь и смерть.
 Минерва росска громы мещет,
 Стамбул во ужасе трепещет,
 Трясутся нивы и луга.
 От горизонта раздраженна,
 От неба жарко разозжженна,
 Вал сохнет, тлеют берега.

Не сферу ль буря разрывает,
 Иль огненный спустился понт?
 В дыму Днестр очи закрывает,
 Горящий видя горизонт?
 Не ад ли в оной скорби стонет,
 Не род ли смертных паки тонет,
 Не разрушается ли свет?
 В густой и освещенной ночи
 Возводит Днестр на небо очи
 И тако к солнцу вопиет:

„Пошли, о солнце, мне отраду,
 Не дай мне зреть последних дней!
 Или ты паки горду чаду
 Вручило пламенных коней?“
 — „Молчи! — ему вещает слава.
 Не гордая разит держава.
 А то участие не твое;
 Не злоба естеством играет,
 Но злобу истина карает,
 Восставшу нагло на нее“.

Хотин опустошает дома,
И в степи жители бегут.
Зря молнии и слыша громы,
Живот единый берегут,
Но слава им с кровава бою
Гласит российскою трубою:
„Ты тщетно кроешься, народ!
Екатерина гнев подвигнет,
Ея рука тебя достигнет
И в бездне Ахеронских вод“.

Россия наглу презирает
Твою державу, оттоман,
И тако Порту попирает,
Как Пико гордый океан.
Гора от молнии спасенна
И выше облак вознесенна,
Спокойно видя под собой
Воюющего с ней Эола
И внемля шумы грозна дола,
Пренебрегает ветров бой.

Великого земель округа,
Которым пышен весь Восток,
Брега с Египтом жарка Юга
И струй Евфратовых поток
Мечем российским сокрушатся,
Селенья их опустошатся.
Мой слава повторяет глас:
„Где зрятя днесь высоки башни,
Там будет лес, луга и пашни,
Плен, смерть оттоль исторгнут вас!“
Хотя ты в ярости злей ада
Стремишься против нас, Стамбул,

Хотя бы из обширна града
На россов ты геенной дул,
Попрем ток вод, дубравы, камень,
Пройдем сквозь пыль, сквозь дым и пламень.
Услышится твой вопль и стон,
Тогда раскаешься, но поздно;
Уже настало время грозно,
Трясется оттоманов трон.

И се Молдавские долины,
Лес, горы и потоки вод
Под областью Екатерины.
Славенский к ней бежит народ,
К Неве Европа взоры мещет,
На троне Мустафа скрежещет,
И Порта гордая дрожит;
Низвержется султан со трона,
Увидим нова фараона:
Он морем в Азию бежит.

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы вносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действия мои разбери!
Во всей жизни минуту я каждую
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многokратно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не знав для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает;
Как змея, мое сердце съедает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

МОЛИТВА

Не терпи, о боже, власти
Беззаконных ты людей,
Кои делают напасти
Только силою своей!
Сколько злоба возвышенна,
Столько правда устрашенна.
Не на то даны дни века,
Чтоб друг друга нам губить;
Человеку человека,
Творче, ты велел любить.
Кто как титлами ни славен,
Пред тобой с последним равен.
Титла громкого содетель
Часто развращенный свет.
Лишь едина добродетель
Преимущества дает,
И она всего дороже;
Защищай ее ты, боже!

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
„Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!“

ЧАС СМЕРТИ

О мысли люты!
Кончается мое
На свете бытие,
Преходит житие,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:
Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашною судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.

ОДА О ДОБРОДЕТЕЛИ

Всё в пустом лишь только цвете,
Что ни видим, — суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;
Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стойки! Не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу
И, когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите Оно право,
Утверждайтесь на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда — судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем и жизнью — чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внимли:
Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

ГИМН О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОЛНЦЕ

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лицо твое воззрети оку;
Трудные нам еще постигнута тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился,
Лишь только в вышине подвигнулся с небес,
Горящую стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огонь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремя николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хваля творца по всей земли.

ОДА НА СУЕТУ МИРА

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей,
Что всё сие, как дым, преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Вспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И всё, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон,
И, исходя отсель ко гробу,
Исходишь ты, стена, и вон;
Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость
И всё бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И всё непостоянно в нем,
И всё составлено из тлена:
Не зрим мы твердости ни в чем;
Пременной естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет — только образ колеса.
Не грянет гром, и ветер не дохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со берегом,
Творя из струй крепчайший мост;
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет милае.
И нет на свете смерти зляе, —
Но смерть — последняя беда.

ПОСЛЕДНИЙ ЖИЗНИ ЧАС

Я тленный мой состав расстроенный днесь рушу.
Земля, устроив плоть, отъемлет плоть мою,
А, от небес прияв во тленно тело душу,
Я душу небесам обратно отдаю.

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0340.shtml

ХОРЕВ

ТРАГЕДИЯ

Представлена в первый раз в начале 1750 года
на Императорском театре в Санктпетербурге.

Действующие лица

Кий, князь Российский.

Хорев, брат и наследник его.

Завлох, бывший князь Киева-града.

Оснельда, дочь Завлохова.

Сталверх, первый боярин Киев.

Велькар, наперсник Хоревов.

Астрада, мамка Оснельдина.

Два стража.

Три воина.

Пленник.

Действие в Киеве, в княжеском доме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Оснельда и Астрада.

Астрада

Княжна! Сей день тебе свободу обещает,
Впоследние тебя здесь солнце освещает.
Завлох родитель твой, пришел ко граду днесь,
и воужаются ко обороне здесь.
Уж носится молва по здешнему народу,
Что Кий, страшася бедств, дает тебе свободу.

Оснельда

О день, когда то так, день радости и слез!
Щедрота поздняя разгневаных небес,
Смешенна с казнию и лютою напастью!
Чрез пущую беду отверзя путь ко счастью!
Астрада! Мне уже свободы не видать,
Я здесь осуждена под стражею страдать.
Хотя я некую часть вольности имею
и от привычки злой претерпевать умею,
А там... уввы!..

Астрада

А там остаточный предел,
Где множество еще во власти вашей сел,
Наследие твое, и ты воздвигнешь племя
Бесчадному отцу. Уже приходит время
Тебе достойного супруга получить
и падший род опять от низких отличить.
Ты будешь мать...

Оснельда

Молчи, не представляй мне браков,
Несчастной мне к тому ни малых нет признаков.
Довольно! Я хочу из сих противных мест.
О жалостна страна! О горестный отъезд!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
и сожалея о мне в такой суровой части.

Астрада

Поняти не могу сей тайны твоея.

Оснельда

Теперь откроется тебе душа моя,
Но, ах! Объемлет стыд, все мысли днесь мятутся,
и речи во устах безгласны остаются.

Астрада

Никак постигла я? Любовь...

Оснельда

Прилично ль мне
Ея заразы знать в печальной сей стране?
О том ли помышлять Оснельде надлежало?
Но, ах! Вошло во грудь сие змеино жало.
Ты сказывала мне отцево житие
и многожды притом плачевно бытие,
Как смерть голодная народы пожирала
и слава многих лет в одну минуту пала.
Благополучный Кий победу одержал,
Родитель мой тогда в пустыни убежал,
В отчаяньи своем тревожась, унывая,
Озера на коне и реки преплывая,
С оставшим воинством лес, горы преходя,
Разбит и побежден из степи в степь блудя.
Моя стенаща мать, сынов своих лишася,
Впоследок и с своим супругом разлучася,
Услыша злую весть, что Кий, как ветер прах,

Народы разметав, во градских уж вратах,
 Лице горчайшими слезами омывала
 и кровь свою своей рукою проливала
 И, лобызаючи в последние меня,
 Скончала бедну жизнь, в сон вечный пременя.
 А я, в пленение сие низвергшись году,
 Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
 Однако кровь во мне во все шестнадцать лет,
 Как помнить я могу, отмщенье вопиет.
 Я сказанное мне плачевно время вижу
 и рода моего убийцу ненавижу;
 Но, ах! Хорев в те дни хотя младенец был,
 Он Кию брат, увы!.. а мне, Астрада, мил.

Астрада

Искореняй сей яд, отец тебя желает.

Оснельда

Мне памятен мой долг; пускай сей огонь пылает;
 Какие б надобно суровости иметь,
 Когда б отца могла и не хотела зреть?
 Оснельда только сим единым ныне льстится;
 Но дух, мой слабый дух и рвется и мутится.

Астрада

Давно ль, с которых дней ты знаешь эту страсть,
 и непорочный дух познал любви власть?

Оснельда

Шесть месяцев уже, Астрада, унываю
и слез в одре моем потоки проливаю.
Достоинства его и искрения любовь
Против желания зажгли незапно кровь.
Я стала на него охотнее смотрети,
Не смысля, что иду в неисходимы сети.
Искала, чтобы мне с ним чаще купно быть
и время горести скоряе проводить.
и стало без него везде впоследок скучно,
Желала, чтоб была с Хоревом неразлучно.
и в то-то время я узнала страсть мою,
Которую еще поныне я таю.
Я злилась на себя за сей преступок грозно
и каялась, но что! Уже то было поздно.

Астрада

А если Кий отдаст отцу тебя назад
и будешь ты должна покинута сей град,
Возрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя!
и только весел сей единый будет час,
Он веселу меня один увидит раз.
Но как то уж ни есть, мне льстит сия минута.
Поди и известись, ужель судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить,
и верь, хотя она стремится приключить
Жестоку мне тоску и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на эту злую муку.

ЯВЛЕНИЕ II

Оснельда

(одна)

К чему ведет меня моя судьбина зла?!
К таким ли дням, любовь, во мне ты кровь зажгла!
Несчастливым времен жестоки все премены.
О дом отцев моих! О вы, противны стены,
Которыми пришлец сей город оградил!
Земля, в которой Кий кровавы токи лил!
Места, толь много раз слезами орошенны,
Возлюбленным моим Хоревом украшенны,
Печалей и утех собрание и смесь,
Чем слабая душа обремененна днесь!
Отверзи мне врата любезныя темницы
и выпусти меня за Киевы границы!
О честь! О долг! Любовь! Мой князь! Родитель мой!
Делите сердце днесь и рушьте мой покой!
А ты, о естество! терпи случаев ярость
и бременем своим несчастливую старость
Потщися ободрить, как бедной небеса
Дадут на жительство дремучие леса!

ЯВЛЕНИЕ III

Оснельда и Хорев.

Хорев

Готовься к радостям, княжна, в сей день желанный,
Уж час приближился, тобой толь часто званный,
Уже открылся путь тебе из здешних стен,
Ступай и покидай места сии и плен,
Родитель твой в сей день тебя к себе желает,
А Кий, мой брат, на то уже соизволяет.
Внимай из уст моих желаемый отъезд,
Но, отлучался из сих противных мест,
Которые тебя в неволе содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробежали,
Хотя единою утробой я рожден
Со князем, коим твой родитель побежден,
Не ставь меня врагом. Мной, сколько можно было,
Несчастье тебя под стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь, но к чему так сердце отягчать?
Или вспомнила ты Киеву досаду?
Но я противного не подавал и взгляду.

Оснельда

Я плачу, что тебе бессильна отслужить;
Но верь мне, верь, мой князь, где я ни буду жить,
Я милостей твоих вовеки не забуду
и с ними вспоминать тебя по гроб мой буду.
О солнце, кое здесь в последний раз я зрю!
О солнце! Ты то зришь, от сердца ль говорю!
В том ты свидетель будь, что имя милосердо,
Доколе я жива, пребудет очень твердо.

Хорев

Впоследние уже любезный слыша глас
и видя пред собой тебя в последний раз,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердия в уме располагая,
Возмог ли сердце я твое тогда тронуть?
и чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой в моей крови произведенный пламень?
Но можно ль воспалить огнем любовным камень?!

Я многажды тебе горячность открывал,
Которою меня твой сильно взор терзал.
Открытие сие мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило.
Но кая красота мне язву подала
и во отчаянном уме моем жила?
Я чаял, я рожден к единой только брани,
Противников карать и налагати дани,
Но бог любви тобой ту ярость умягчил,
Твой взор меня вздыхать во славе научил.
Когда твои глаза надежду мне давали,
А беспристрастные слова мне сердце рвали,
Я слабости своей стыдился и стенал
и в горести моей, что делати, не знал,
Против тебя, против себя вооружался,
и пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много раз, дабы тебя забыть,
и мнился иногда уже свободен быть,
Но, вспомнив, я опять то чувствовал, что страстен.
Сей гордый дух тебе стал вечно быть подвластен.

Оснельда

Ах, князь, к чему уж то, что я тебе мила?
К чему тебе желать, чтоб я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слез реки;
Уж больше не видать тебе меня вовеки.
Когда тебе судьба претит меня любить,
Старайся ты меня из мысли истребить.

Хорев

Коль любишь, так скажи, исполнь мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда

Люблю... Доволен ли? Поди из глаз моих,
Оставь меня в тоске, останься в мыслях сих,
Я все вздыхания свои напрасно трачу.
Мне время отъезжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви. Довольно в свете дев,
Которым будет мил любезный мой Хорев.
Люби, которая иметь то счастье станет,
А та тебя по гроб без слез не вспомянет,
Которой эту часть хотело небо дать,
Чтоб ей тебя по смерть любить и не видать.

Хорев

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отседе отъезжаешь?
О боги! О княжна! Имейте жалость днесь!
Пребудь над градом свет! Княжна, останься здесь!

Оснельда

Мой рок такой, чтоб я Хорева покидала
и чтоб его вовек отныне не видала.

Хорев

Вещаешь о любви ты только мне маня!

Оснельда

Как я тебя люблю, люби ты так меня,
Или не верь, имей неправедные мысли
и мне еще сию беду к бедам причисли.
Каких ты требуешь свидетелей глазам,
Когда не веришь ты ни стону, ни слезам?!

Хорев

Чего желается и что нам толь приятно,
То кажется всегда нам быть невероятно
и зрится, как во сне. Но, о престрашный сон!
Какое множество в сем счастьяи препон!
Приятные часы! Вы щедры мне и люты.
Какими я могу назвать сии минуты?
Несчастливыми почесть? Мне много счастья в них!
За счастливы приять? Что зляй минут мне сих?!
Оснельда, если брак любви не разрушает
и должность пламени в крови не угасает,

Почто творити нам друг другу вечный стон
и что препятствует взойти тебе на трон,
Который ждет меня?.. Ты мне не отвечаешь.
Иль скипетр и в моих руках противным чаешь?

Оснельда

Престань себе, мой князь, надеждою сей льстить,
И, ах! престань, престань мой разум сим мутить,
Судьба меня с тобой навеки разделила,
и тщетно нас любовь с тобой соединила.
Как буду я иметь в одре моем того,
Чей с трона брат отца низвергнул моего
и трупы братиев моих влачил бесстыдно,
Взирая на престол Завлохов зверовидно,
Граждан без жалости казнил и разорил,
и кровью нашею весь город обагрил,
Оснельду в пеленах невольницей оставил?
Перун! Почто меня от смерти ты избавил,
А, жизнь оставя, дал ты чувствовати честь?
Или чтоб было мне трудняе иго несть?
Мне б лучше умереть, как жити во неволе,
и зрети хищника на отческом престоле.

Хорев

Сея ли речи я из уст любезных ждал?
Завлоха я еще, еще не побеждал;
Но, может быть?.. Увы! Ты плач усугубляешь.

Оснельда

Какие ты слова со мной употребляешь?!
Довольствуйся моей ты слабостью и рви
Во мне печальный дух, жестокий, в сей любви!
Оставь невольницей Оснельду в жизни слезной,
Терзай меня, дерись с отцем своей любезной!
Оружье я сама против себя дала,
Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила,
Так сделай, чтоб она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастлив, побеждай,
Взносись моей бедой; лишь только рассуждай:
Против кого ты, князь, ко брани гнев сугубишь?
Идешь против тоя, которую ты любишь!

Хорев

А если твой отец позволит нам сие?..
Скончаешь ли, княжна, мучение мое?

Оснельда

Какую область ты имеешь надо мною!
Я злоб не чувствую, мне сказанных тобою.

Хорев

Всесильны небеса! Подайте помощь нам,
Оставьте дух во мне и свет моим очам!
Завлохов будет род тобой опять восставлен,
и твой поносный плен моим венцем прославлен,
А Кий препятствовать не будет нам ни в чем,
и брань окончится любовью, не мечем.

Оснельда

Из наших подданных, стнящих здесь во граде,
Пошли с сей вестию к Завлоховой досаде,
Чтоб ведал он, хоть я преступницей даюсь,
Что я в моей любви врагов его таюсь.
и только лишь с тобой единым согласилась.
О небо! Что за мысль в мой слабый ум вселилась?!

Хорев

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши к родителю, что вложит в ум любовь.
Изобрази отцу, стоящу в ратном поле,
Что кровь его опять здесь будет на престоле
и пленники своих покинут тягость уз,
Когда совокупит желанный нас союз.
Посол тебе в сей час, любезная, предстанет.
Увы, когда моя надежда мя обманет!

...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Кий
(один)

О бремя тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всех трудней его законы.
Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
и превращается в тиранство строга власть,
А милость винному, преступнику прощенье
Нередко и царю и всем в отягощенье.
Но меры правоты всегда ли лъзя найти,
По коей к общему блаженству мочь идти?
Потребно множество монарху проицанья,
Коль хочет он носить венец без порицанья,
И, если хочет он во славе быти тверд,
Быть должен праведен, и строг, и милосерд,
Уподоблятися правителям природы,
Как должны подражать ему его народы.
Но коей радости в победе ныне жду?
Почто в желанный гроб толь медленно иду?

ЯВЛЕНИЕ II

Кий, Велькар с Завлоховым мечом
и несколько воинов с ним.

Кий

Что вижу я?!

Велькар

Се меч Завлоха побежденна,
Отдаться пленником Хореву принужденна.

Кий

(единому из воинов)

Беги скорей к княжне, к владычице своей,
К невесте княжеской, скажи свободу ей
и чтоб Сталверх пришел.

Велькар

Скончавши дня ненастье,
Хорев сугубое в сей день имеет счастье!

Кий

Дай небо, чтоб его он подлинно имел!

Велькар

О если б, государь, дела его ты зрел!
Еще полки на брань не двинулись из града,
Завлох уж был у стен, и началась осада.
Тронулось воинство, но уж у каждых врат
Спиралися враги, бросая смерть во град.
Что сила мужества собранием поздала,
Победа, ждуща нас, нас страхом обуздала.
и как уже Завлох во град войти хотел,
Хорев, зря бедство то, против него летел,
Встречается, разит со мужеством премногим;
Так средь шумящих вод, волнам противясь строгим,
Корабль, отвсюду ждущ погибелей своих,
Дерзает на валы и попирает их.
Их стрелы так, как град, противу нас неслися.
Казалось, поля от ужасу тряслися.
Воспоминанием прешедшия войны,
Где гибли чада их, родители, жены,
Они на грозну смерть с бесстрашием бежали,
Летели помереть и смерть уничтожали.
Князь малое число людей с собой имел,
и против с ними он великой бури шел.
Хорева действия бесстрашны показали,
Увидели враги. „То он, то он!“ – сказали.
Метались на него, но смерть на месте сем
Ужасна им была с Хорововым мечем.
Хотя они его отвсюду окружали,
Но руки над головой его с мечми дрожали,
Когда их дерзости сопротивлялся рок
и лился от меча отстрейша кровный ток.
Несется страшный глас по воинству во граде:
„Хорев сражается и у врагов в осаде!“
Сей глас, стнящий глас, как некий новый бог,
Воинские сердца еще жарчае жег.
Приходит новая во все их сила члены,

И, вместо врат, пути творят себе чрез стены.
Стремятся времена продлить дней драгих,
Текут во множестве, где гибнет счастье их,
На копья, на мечи свергаются с размаху,
Не чувствуя в сердцах ни гибели, ни страху.
На избавление к нему весь град предстал;
Смятенный им народ мечами заблистал,
Геройско мужество в отваге войско мчало.
Посем порядок тут приял свое начало.
На зверя яко зверь стремится, на тельца,
Так князь пошел против Оснельдина отца.
Сугубо мужество их воинству являет
и все свои полки далеко оставляет.
и как копье свое в щиты Хорев вонзал,
Два раза конь под ним от стрел вонзенных пал,
От третьей от стрелы упад, не мог встать боле
и всадника на смерть оставил пеша в поле.
Во опасении Хорев вторичном был,
Но, тьмой врагов объят, вокруг себя рубил.
Шелом с главы упал, а он на смерть остался,
Однако на врагов своих, как лев, метался.
Се воинство опять за ним на смерть спешит,
Воинска жара смерть нимало не туш_и_т.
Бегут рассеянно враждебные народы,
Бегут без памяти, падут с коньми с гор в воды.
Имея при себе все войско и меня,
Хорев вооружен восходит на коня.
Врагов, как ветер прах, он бурно возметает
И, яко молния, в полях с мечем блистает.
Сим новую в полках он силу возбудил
и храброго врага преславно победил.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и посланный к княжне.

Посланный

Скрепись, государь!

Кий

О злое рока жало!

Велькар

Что сделалось здесь?

Посланный

Оснельды, ах, не стало!

Велькар

Какой, увы, удар...

Кий

Почто я в свет рожден?!

К чему, несчастливый, я ныне приведен?!

Велькар

Какие лютости душа твоя имела,
Что в горести ее хранить не умела?!

Кий

Не ведаешь еще несчастий ты моих.

Велькар

Что может, государь, быть больше бед нам сих!
Оснельды нет, Хорев...

Кий

Хорев теперь в покое:
Ах, мнит ли он прийти на зрелище такое?!
Скажи, что видел ты?

Посланный

Я с вестию к ней шел...
О боги! Какову Оснельду я нашел!
Смутился весь мой дух, и сердце задрожало;
То тело на одре бесчувственно лежало,
Увяли красоты, любви заразов нет...

Кий

Сокройся от очей моих противный свет!

Посланный

Астрада во слезах, Астрада огорченна;
Тоской, отчаяньем и стоном отягчение,
Рыдает, мечется и рвется в сей беде:
„О боги! — вопиет, — иль нет суда нигде,
Когда так долго ждет сие злодейство казни?!
Или оставлен свет в неправде без боязни?!
Разите, небеса, бросайте огонь и гром!
Пади над телом сим несчастливый сей дом,
Где праотцы ея так долго обитали
и где родители Оснельду воспитали!“

Кий

Несносных лютостей исполнен сей мне день.
О жалующаяся во тьме на Кия тень!
Не представляйся мне стеньща предо мною,
Не мучь меня моей ты варварской виною!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Хорев и Завлох.

Хорев

Се час желаемый Хоревом совершен;
Победы чаемой Завлох уже лишен.
А мы, прославився, еще себя прославим
И, покорив врагов, друзьями их оставим.
А ты, о храбрый князь, покорствуя судьбам,
Прими подобну мысль и будь союзник нам!

Завлох

В каком ты станешь мя, Оснельда, виде зрети?!
Почто претил тебе в любви я горети?!
И, может быть, я сим толико согрешил,
Ах, если я союз твой с князем разрешил?

Хорев

Мне дочь твоя мила и ныне так, как прежде.

Завлох

Так буди, дочь моя, ты в сей опять надежде!

Кий

Какой я слышу гром!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Кий, Хорев, Завлох, Велькар и воины.

Единый воин
(вошед)

Сталверх скончал живот,
Низвергшись в глубину Днепровых быстрых вод,
Отчаян, горестно терзаясь и стоная,
и свергся со берегов, Оснельду вспоминая.

Хорев

Оснельду при конце...

Кий

Любезный брат! Увы!
Мы ведали уж то, что с ней любились вы,
Но таинству сему давали толк мы ложно.
О боги! Вымолвить напасти невозможно!
Посольство, грамоты во вражески станы
Тобой к жестокому смятению даны.
Любезнейший Хорев!..

Хорев

Я вижу, все мнутятся,
Часы моих побед часами бедства чтутся.
Ты сетуешь, молчишь, ослабеваешь весь...
Скажи, о государь, что сделалось здесь?
Скажи мне ты, Велькар, скажи, мой друг любезный!
Ты плачешь... ах, княжна!

Велькар

Минуты злы! Рок слезный!

Хорев

О небо!

Кий

Ты, Велькар, не ведаешь того,
Кто был причиною несчастья сего.
Карай меня, Хорев, свергай с высока трону,
Я — твой лютейший враг, снимай с главы корону!

Хорев

Я вижу, государь, что ты меня сразил.

Кий

Рази и ты!.. Я... ах!.. Оснельду умертвил.

Хорев

Что слышу я теперь?!

Завлох

О дочь! О плод несчастный!

Велькар

К чему такой удар тобою был ужасный?!

Завлох

О превышающая беда мои беды!

Се дружество, мой князь, из прежния вражды?!

Хорев

Не сон ли мя страшит нечаемой судьбою?!

Оснельда!.. в истину расстался я с тобою?!

Где я?! и что я стал?!.. День злобный! Лютый час!

О боги праведны! Хорев прогневал вас!

Но кая темна ночь вдруг небо покрывает?!

Какая фурия мне сердце разрывает?!

В какие пропасти, дражайшая, падешь?!

В какие мрачные пещеры ты идешь?!

Оснельда!.. Небеса! Иль вы на мя падите,

Или в сей крайности любезну соблюдайте!

Велькар! Лишаюся красот ея драгих;

Уже скрывается она от глаз моих.

Влеките из меня мою вы душу страстну!..

Бегите, бросьтеся спасти княжну несчастну!..

Прости, любезная!.. Но, ах, ея уж нет!

Прости!.. Увы!.. Совсем померк уже мой свет.

О нестерпима казнь! О рок ожесточенный!

Велькар

Сбери, о государь, свой разум расточенный!

Ты чувств лишаешься.

Хорев

Оснельда! Где ты? Где?..
Ея пресекася век, а я в сей жив беде!
На что мне лавры, сан, наследственна держава?
Погибни все теперь, величество и слава.
На что мне уж и жить на свете сем, стена?
Уж нет того, уж нет, что льстило в нем меня.
Великодушствовать потребно неотложно,
Но мысли горькие преодолеть не можно:
Оснельда во слезах пред очи предстает,
Которые она о мне при смерти льет.
Воображаются мне все ея заразы,
Вспоминаются последние приказы,
и представляются мне все утехи те,
Искал которых я в любви и красоте!
К какой я радости с победой возвратился?!
Где делися вы, дни, которыми я льстился?!

Завлох

Ты сделала, о дщерь, хотя упал наш трон,
и победителям и побежденным стон.
И, если в аде глас Хоревов дух твой тронет,
Внемли, как сей тобой герой великий стонет!
Плененной не почтет тебя, нисшедшу, ад,
Заплачет по тебе с Хоревом весь сей град.

Хорев

Какая польза в том несчастному Хореву?!
Уже не возвратит сей плач несчастну деву.
Не временно лишен ея, но навсегда,
и уж не буду зреть Оснельды никогда.

Кий

Карай мя, я твое сокровище похитил.

Хорев

Пускай сей кровию тебя твой гнев насытил,
Который толь тебя на мя ожесточил,
Но если ты о мне когда-нибудь рачил,
Так сделай только то, о чем напоминаю!
Сие прошение исполнишь ты, я знаю:
Отдай Завлоху меч, свободу возврати,
и воинство все с ним из града испусти.
(Кий отдает Завлоху меч, а Хорев говорит Завлоху.)
А ты, несчастный князь, возьми с собой то тело,
С которым сердце быть мое навек хотело,
И, плачем омочив лишенное души,
Предай его земле, над гробом напиши:
„Девица, коей прах в сем месте почивает,
и в аде со своим Хоревом пребывает,
Которого она любила в жизни сей, —
Хорев, ея лишась, последовал за ней!“
(Заколотся.)

Конец трагедии

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0030.shtml

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ: КОРТЕЦ И МОТЕЦУМА: БЛАГОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ ПОТРЕБНЫ ГЕРОЯМ.

Мотецума.

Наконец и ты являешься здесь, Посол Восточной, тиран моего отечества! Где твоя гордость? Где твое златожаждущее войско? Коль бы нам полезно было, ежели бы Тласкальское общее правление намерениям храброго Ксикотенкала до конца послушно было.

Кортец.

Ты ли меня гордым и тираном называть отваживаешься? Собственная твоя гордость и тиранство очистили мне дорогу, завоевать твое царство. Ты подданных твоих раззорял, собирая с них себе третью часть их доходов, прочих же податей не считая; заставлял ты их себе поклоняться яко Богу, повеления же свои почитать яко божественныя онределения; дочерей и жен у них нагло отнимая для удовольствия скотской своей страсти, приносил на жертву оных потом Богам для мерзскаго своего обжирства. За то, что в Киабислане меня ласково приняли, не требовали ли зборщики твои для утоления гнева твоего дватцати невинных, коих бы потом Богам принести на жертву? и могло ли тебя поразить великодушие мое, когда я тому воспрепятствовавши не допустил жителей до погубления оных зборщиков, которых к тебе отпустил в целости? Не знал ты различия между подданным и невольником, почитал токмо твердость правления в их утеснении, и их страх угоден был тебе паче их терпения. До того, как ты им был страшен, бремя твоих мучительств сносили они с воздыханием: Но когда тот страх миновался, то не можно тебе забыть отчаяннаго их над тобою отмщения, когда они на стене ополчения моего тебя стрелами своими ранили смертельно.

Мотецума.

Тем меня порицать тебе не можно. Когда взбунтовавшиеся мои подданные, не сожалея о утратах своих, некогда так жестоко на твое войско напали, что уже и крепость стен оное от них едва могла защищать. Тогда я опасаясь погибели твоей, наблюдая лицемерного твоего посольства в наших землях толь почтенное право странноприимства, надел на себя царския мои украшения, и в провожании благородных моих, взошел на стены, где я старался повелеть, или просил моих подданных, чтоб низположили оружие поборяющее войско твое без моей воли; хотя твое сокрушение даровало бы мне назад потерянную мою свободу, для приобретения которой к собственному стыду моему войско мое наконец так сурово на тебя вооружилось; будучи еще к должности своей побуждено жадным грабительством, и пролитием крови многого числа знатных из народа от твоего оставшаго в Мексике войска, в день случившагося у нас праздника. Тогда пред концем моим подданные мои, увидев меня, отдали особе моей довольные знаки почтения; но услышавши мое к ним увещавание, касающееся до спасения тебя с войском твоим, увидели, что уже не тот я победитель, которой не по праву наследства, и токмо чрез свою отменную храбрость получил себе царский престол. Но малодушный невольник окруженный стражею злохитростнейшаго неприятеля в чертогах от меня ему данных. Подвигнутые яростно общим их позором пустили в меня стрелы, коими ранили меня смертельно. Узревши меня падша встрепетали, что дерзнули руки нало жить на государя своего, разсеялись во все улицы, опасаясь казни от богов, и укрываясь зрения небес с ужасом грозным и смущенным, которым совершение лютаго греха дух обременяет. Когда же по конце жизни моей мертвое мое тело по приказу твоему вынесенное на рамах вельмож моих для отдания последней должности народ увидел, то сколь жестоко возстенал! Войско оставя стражи свои последовало за мною на гору Хапулпетек; чрез три дни обо мне плача не преставаая бегали по улицам, как изумленные, и со слезами имя мое вспоминая, довольно тем оказали, что не ради собственного надо мною отмщения, но ради общего срама моего невольничества учинили они в отчаянии неумышленное убийство. До пришествия же твоего верные мои подданные повиновались моим повелениям, почитали строгое мое правосудие в защищении утесненных и в награждении разных степеней; чего ради хотя и правда, что собирал я в подати, кроме того что на чрезвычайности, треть доходов с каждого: но сие было как долг, отдаваемой при случаях того достойным, выключая отменность достойнейших, коих награждал притом

кавалериями Орла, Льва, Тигра и проч. Те же подати, что ты отягощением называешь, обращались в их же собственную пользу; сверх того что общей народ имеющей злыя склонности, от сего налога получал укрепление своего покоя, ибо лишась изобилия не имел способов к нарушению должного послушания. Я почитал богов: но что меня общенародие почитало им подобным, то сие чинено было по притчине знатного моего над ним преимущества. Хотя женской пол красотою цветущий, и собираемый из всех мест областей моих заключался у меня в чертогах: однако оной служил токмо для любви моей; и я приносил на жертву богам токмо тех, кои мне в неверности являлись. Обыкновенная жертва и следующее по ней пиршество стыда мне не наносят; сего у нас чрез множество веков вкоренившася обычая и самому тебе искоренить не возможно было, особливо неприятели государственные, осужденные уже на смерть по их винам, не славно ли умрут заклянные на жертвенниках безсмертных?

Кортец.

Не воспоминай мне о сей мерзостной жертве, которою само естество гнушается. Не малая уже добродетель твоя, что ты хотя подданных своих от сего отвратить в состоянии и не был, однако сам сию несносную жертвенную пищу от стола своего отверг по моему желанию. Чтож принадлежит до достоинств твоих, то многия из них на зло склонялись: ревность твоя к правосудию простиралась до крайности сопротивной, и часто была соединена с немилосердием простирающим наказание даже до отмщения; окружен будучи льстецами изторгнутое от бедных твоих подданных чрез их труды приобретенное имение расточал по большей части тем безрассудно. Ты был мужествен и храбр, расширил области твоего царства, учинил страшным имя Мексиканское всем твоим соседям, так что они и по смерти твоей против многократно мною побежденного твоего войска долго без помощи моей сражаться не могли отважиться. Но за сие надлежало ли тебе допустить, или паче повелеть, чтоб тебя почитали яко бога? Подданные твои, видя тебя дошедша уже до такой гордости, что пред богами своими колена преклонять стыдился, могли ли сносить такое продерзское принуждение, какому примера. До тебя от предков твоих не бывало? Особливо для наслаждения скотской твоей страсти похищал ты жен с лож их супругов, и дочерей из рук их родителей, не взирая на слезы самых благороднейших твоих. Ради причины сих твоих неистовств и немилосердиев возможно ли, чтоб твои подданные

в почтении к тебе искренность имели? Когда разнесся слух о победах моих над Табаском и Пилпатай, правитель области твоей, где я на берег выступил, особливо Тейгилей твой генерал, наконец в мое там присутствие все недовольствие свое мне оказали, то получа посольство из Цемпоала призывающее меня к жителям сей области твоей державы: первое было, когда я в их город вступил, то меня молили, дабы их избавил от мучительного твоего правления. Киабисланцы тож учинили, почитая оружия мои благословенными от небес, и имеющими непреборимую власть над тиранами. Услыша добронравие мое и благодать мою к союзникам моим, которые под кровом моим избавляющим от жестокости подданства твоего жили в совершенной вольности, зверообычные горские тотонаки защищавшие вольность свою от основания народа их, с радостным желанием в мой союз вступили, для того что быть в подданстве у короля моего за честь себе почитали. Потом я повелевши сокрушить корабли свои войску моему, дабы у онаго отнять способ к желанию возвращения назад: пример мужества редкой между нами! Допустил до пределов тласкальских, Сенат сего общаго правления отложив мудрость свою, и не следуя разумным советам Магискациновым склонился на продерзость юнаго ксикотенкала, воспротивясь чрез область сию моему с войском мирному проходу, о позволении чего я учтиво у онаго требовал. Но что из того последовало? Горестное кровопролитие сих граждан и их благородных. При их на нас вооруженною рукою нападениях, храбрость и искусство ксикотенкаловы никакой почти утраты мне учинить не могли; и наконец оные не токмо со мною помирились, но призвавши меня и войско мое с сугубым молением в город свой, предали себя в совершенную мою волю. Сия их поверенность не довольно ли потом была награждена милосердием моим? Котораго чувствительное мне от них оскорбление, хотя я был и совершенной победитель, потушить в сердце моеме не могло. Отомийцы и Хонталы, Варвары между Варварами, и иные последовали им вступлением в союз с нами, и без того, чтоб они много к тому принуждены были.

Мотецума.

Не задолго перед тобою выступал на берег мой некто с войском, пришедшей в больших плавающих на море зданиях, имея с собою огнедышущия горлы, сокращенные дикие звери нам незнакомые им служили, в означенном сем быть

тебе подобен, от нас отменностию своею край, но он отличился: но получа от меня дары, которыми по обычаю приветствовали мы всех иностранных, и обменявши свои товары на золото наше, которое войску его весьма приятно казалось, возвратился. Когда же о блистательных и скорых победах войска твоего над Табаском с его союзником, и потом над храбрыми тласкальцами, которое сочинял сотую часть их многолюдства, до меня слух дошел, то с начала хотя по благоразудию моему не мог вас почитать богами, хотя вы превосходством вашим с первого виду им уподоблялись, ратоборствуя сопротивных, как нам думалось, перунами, и потапывая их ужасно дикими зверями вам подвластными: но по крайней мере божественной природы, и со всем от человеческого отменной, вы себя почитать заставляли. Однако потом довольно мы узнали, что вы не бессмертны, и можете також осилены быть, как и протчие люди. Известное твое изгнание из Мексики довольно пример оному.

Кортец.

То учинилось после смерти твоей. Оплавав несчастную твою кончину, как великую мне утрату, не потерял я бодрости моей, и оборонялся мужественно против войска вашего, наконец увидя, что несчетное онаго множество на многократно предложенной им мир не склоняется, и не имея спосоов получить ни откуду себе помощи, наипаче в недостатке сестных припасов хотя с утратою, но не побежден, из Мексики выступил, детей твоих в руках моих сущих с почтенным рачением охраняя, которые в смятения от мексиканцов, может быть, не умышленно убиты бы были; отложя конечное завоевание царства вашего, которое королю моему по праву общей учиненной вами при вступлении в подданство присяги, справедливо уже принадлежало, до способнаго случая, коего по том и не пропустил вскоре.

Мотецума.

В том тебе вспомоществовали ссюзники твои, и от владения натего отпадшие народы.

Кортец.

То правда. Победивши несколько раз в отступном моем походе и разбивши наконец все силы мексиканския, кои, оставивши нам свободной проход, собрались, и загородили путь в излоге Отумбе, пришел я в Тласкалу, где меня все граждане с радостью и удивлением о спасении моем приняли; как они, так и прочие союзники мои не щадили потом ни войск, ни протчаго для моей помощи. Но Мотецума, отчего сие воспоследовало? Гордостью твою и тиранством с подданными отвратил ты от себя в конец сих храбрых народов; напротив того благодать моя с мирными, и милосердие с побежденными, столько преданными их ко мне учинили; и сие подлинно было главною причиною завоевания всей Мексики. Холульцы, лукавейший и предательнейший народ, особливо, как ты, отложив мужество, и облекшись в малодушие, разными презрительнейшими способами меня погубить старался, и лестно меня уже сам к своему двору с войском призывал, в нашем для того чрез их город походе из Тласкалы, по научению твоему нам толь злоковарственную хитрость устроили; но потом и они превознося милосердие мое, и чувствуя различие между оным и жестокостью подданства твоего были нам столько же верны, как протчие. Когда Нарваеца, начальника над гишпанским войском, присланным на меня, от Велазкеца, губернатора гишпанскаго острова Кубы, неприятеля моего, по злему научению завистников моих, я из Мексики выступивши побеждал, то оставшей там при тебе капитан мой Алвардо, не имел ли притчины в день случившагося там некоего праздника, напасть и побить многих твоих благородных, хотя безоружных? Ибо тебе известно, что учинен был тайной заговор между ими, дабы в тот день взволновавши народ погубить его с оставшим с ним войском. По окончании сего возможно ли ему было противиться подлому грабительству в том смятении некоторых его повелением сребролюбивых салдат? и возможно ли меня винить, что он всей притчины того зла немедленно при собрании всех мексиканцев о том ни чего неведущих, подробно объявить не тщился, но неосторожностпо сею поощрил, как следственно, мексиканцев до крайняго остервенения на себя и на все наше войско, имевших уже негодование, что видели царя своего у нас в неволе, в которой мне было не возможно, чтоб тебя не содержать ради безопасности моей. Когда я с войском в Мексику вошел, ты меня принял ласково и с почтением, как посланника от наследника Квезалкоалова, бывшаго государя семи пещер Навтлакских и основателя вашего царства, прежде нежели он по вашим древним преданиям для новых завоеваний на восток не отдалился; но

тогда, как уже все злыя твои хитрости для нашей погибели храбростию моею побеждены были: и сие також ты учинил лицемерно, ибо не оказал ли ты сего потом скоро, когда твой генерал Кваполпока не взирая на увещание Ескаланта, коменданта нашей крепости Веракруца, Тошонаков союзников моих разорять не преставал; и понеже Ескаланта их защищашь предприял, то оной отважился по приказу твоему тому противность оказать над слабым гварнизонам той крепости вооруженною рукою, на котором сражении Ескаланта победивши окончал жизнь с прочими, между коими Аргеллова присланная для жертвы в подарок тебе голова столь много тебя обрадовала. Ожидая того, что ты потом и на меня в своем городе вооружишься, принял я отважность, которая мало примеров имеет, и в собственных твоих чертогах, вошедши в них с немногими людьми, принудил тебя без наглости следовать за мною, в данной мне для ополчения нашего от тебя дворец, не давая виду, что ты действию твоего генерала был сопричастник, где особе твоей, хотя уже ты был и в моей власти, почтения моего ни когда не уменьшал, выключая то, что потом, когда Кваполпока, на котораго одного ты всю вину сложил, в Мексике для примеру повешен быть осужден был, и убегая казни наконец мне о твоём подлинном ему приказе, касающемся до совершенного погубления нашего в Веракруце войск, явно объявил; то для собственной же нашей безопасности, дабы ты устыдись сего предательства, не возхотел препятствовать достойному тому наказанию, и для собственного твоего за злодейство наказания, дерзко и нечаянно на тебя наложил оковы, которые по исполнении казни, стоя на коленях, немедленно я снял.

Мотецума.

Разныя толь часто повторяемыя и чудесныя доказательства храбрости и великодушия не победимаго твоего сердца, довольно напоследок принудили меня явить, сколько я чрез покорность мою их почитать умею.

Кортец.

Ты имел також многия почтенныя достоинства, коими подлинно превозвышал мексиканцов: но пороки твои были притчиною погибели твоей. Благость моя с союзниками моими и милосердие мое с побежденными;

гордость же твоя и тиранство твое над подданными твоими послужили мне главною помощию в завоевании царства мексиканскаго, и в покорении онаго гишпанской державе.

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_1787_razgovor_oldorfo-1.shtml